

Глава 10. Едва покинув логово тигра, угодить в стаю волков

Хэхуань видела, что Линь Лан не сердится. К тому же Хэлэ и впрямь совсем отбилась от рук и забыла о приличиях, так что заступаться за неё служанка не стала. Услышав же, что молодой господин зовёт Хэжу, она смекнула: предстоит деловой разговор. Найдя благовидный предлог, Хэхуань тихонько удалилась.

Почувствовав себя гораздо лучше, Линь Лан засел за переписывание трактата «Великое учение», чтобы хоть как-то скоротать время. Вскоре вошла Хэжу.

— Зачем вчера управляющий Линь вызывал Линь Яня? — спросил он, не отрываясь от кисти.

— В нашей столичной усадьбе стряслась беда, — ответила Хэжу. — Вот управляющий и позвал Линь Яня на подмогу.

— И что стряслось?

— Завёлся вор из челяди, — пояснила служанка. — Управляющий отправил Линь Яня поймать беглеца. Тот уже схвачен и передан властям. За кражу господского имущества и поправление долга слуги его приговорили к ссылке, а весь его род обратили в казенных рабов навечно, без права выкупа.

Линь Лан понимающе хмыкнул. Мэр столицы явно решил угодить влиятельному семейству Линь. Обычно за подобные проступки ссылали, а рабство грозило лишь трём поколениям с возможностью выкупа. Подобный приговор — очевидный жест почтения. Что и говорить, богатство и высокое положение всегда заставляют людей суетиться.

— А сама усадьба? — снова спросил он. — Её уже привели в порядок?

— Молодой господин, вы слишком торопите события, — покачала головой Хэжу.

«И сколько мне ещё томиться в этом поместье Цзя? — тоскливо подумал Линь Лан. — Интересно, когда отец подаст прошение об отставке?»

Заметив его уныние, служанка добавила:

— Вчера управляющий обмолвился, что вещи только-только перевезли, а к ремонту ещё даже не приступали. К тому же пока неизвестно, какую должность займёт господин по прибытии в столицу и какого ранга жильё ему положено. Так что переезда придётся ждать месяца четыре-пять, не меньше.

Линь Лан страдальчески вздохнул:

— Я здесь всего два дня, а голова уже идёт кругом от этих дрызг. Если проживу тут ещё пять месяцев, точно испущу дух!

Хэжу осталась невозмутима:

— Молодой господин, но ведь барышня Линь живёт здесь уже три года.

Линь Лан изумился:

— Тебе обязательно сыпать соль на рану?

— Вовсе нет, — всё тем же ровным тоном отозвалась Хэжу. — Я лишь напоминаю о вещах очевидных.

Линь Лан прижал ладонь к груди и простонал:

— Ступай-ка ты лучше отсюда. Боюсь, от таких разговоров я скончаюсь во цвете лет.

— Как вам угодно, — ответила Хэжу. — Но сперва извольте закончить переписывание, которое вам задал учитель. Иначе, даже если вы и впрямь сойдёте в преисподнюю, господин Линь достанет вас и там.

Линь Лан содрогнулся. Зная суровый нрав своего наставника Линъюнь-цзы, он ни секунды не сомневался, что тот способен на подобное.

— Ладно-ладно, — отмахнулся он. — Ступай в город, поищи в тамошних книжных лавках какие-нибудь занятные повести или сборники рассказов. Купи всё, что покажется интересным.

Служанка поклонилась и вышла. Линь Лан остался один. В тишине и покое дело спорилось куда быстрее, так что звать к себе никого больше он не стал.

За переписыванием книг время летит незаметно, особенно когда оправдываешься нездоровьем и никого не принимаешь.

Казалось, он только-только урвал пару дней тишины, успел сблизиться с сестрой и вкусить прелести беззаботной жизни молодого барина, как лафа закончилась. Пришла пора возвращаться к суровой действительности.

Заметив, что Линь Лан собирается уходить, Хэхуань спросила:

— Молодой господин, куда это вы направились?

— Навещу наставника, покажу ему переписанные свитки, да послушаю, какие будут наставления.

Хэхуань взглянула на сгущающиеся сумерки и покачала головой:

— Но ведь скоро ужин. Негоже заявляться к учителю в такой час.

Линь Лан бросил на неё мученический взгляд:

— Мой учитель сейчас занят во дворце и принимает меня только в свои редкие выходные да по вечерам. Если я не пойду сейчас, то когда ещё?

Заметив, что Хэхуань собирается продолжить уговоры, он поспешно добавил:

— Всё, ужинайте без меня. Если спросят, скажите, что ушёл к господину Лину.

Он уже потянул за ручку двери, но дорогу ему преградили.

— Хэлэ, тебе чего? — вздохнул Линь Лан.

Служанка лукаво улыбнулась:

— Да не мне, молодой господин! Вас зовёт к себе старший господин Шэ. Говорят, он только что раздобыл какую-то редкую диковину и приглашает вас вместе полюбоваться.

Линь Лан сразу сообразил: Цзя Шэ что-то от него нужно. А ведь казался таким выдержанным, долго крепился!

— Ступай к дяде и передай, — велел Линь Лан. — Сейчас мне надобно отнести выполненное задание учителю. Как вернусь, непременно зайду к нему.

С этими словами он переступил порог.

Вскоре экипаж доставил Линь Лана к воротам Поместья Лин. Поприветствовав наставника, юноша благоговейно преподнёс свои труды. Заметив, что Линъюнь-цзы благосклонно кивнул, разглядывая каллиграфию, он осторожно закинул удочку:

— Учитель, давеча ваш гость пожаловал мне буддийские чётки в знак знакомства. Вот я и

гадаю: пристойно ли мне было принимать такой щедрый дар?

Линъюнь-цзы сразу раскусил его замысел:

— Раз уж принял вещь, которую брать не следовало, к чему теперь сокрушаться? Или вздумал вернуть её назад?

«Вернуть?! — содрогнулся про себя юноша. — Да это же всё равно что плюнуть человеку в лицо! Куда мне, мелкому червю, тягаться с такими господами? Откажись я — и пиши пропало».

Линь Лан поспешно зашёл за спину наставника и принялся почтительно массировать ему плечи:

— Ну что вы, учитель, разве ваш глупый ученик осмелился бы на такую дерзость? Я ведь даже имени того благородного господина не знаю. Вот и пришёл просить у вас, мудрого старца, совета.

— Ишь, спохватился! — фыркнул Линъюнь-цзы. — Что же ты в тот день молчал? Взял подарок — так нечего теперь кривляться да кокетничать!

Линь Лан заискивающе заулыбался:

— Каюсь, учитель, запамятовал совсем. Лишь сегодня, когда служанка спросила, куда убрать чётки, в голове и прояснилось.

— С такой-то памятью! — всплеснул руками Линъюнь-цзы. — И не надейся дотянуть до семнадцати лет, прежде чем сдавать экзамены. Отправлю тебя в следующем году. Будешь сдавать раз за разом — глядишь, к старости и вымучишь высшую ученую степень!

Линь Лан давно привык к ворчанию наставника. Он знал: ругает — значит, любит и радеет всем сердцем.

— Ну как можно, учитель! — с весёлой ухмылкой отозвался он. — Я ведь тогда опозорю и вас, и батюшку, который, на минуточку, сам был третьим лауреатом императорских экзаменов!

Зная несносный, но добродушный нрав ученика, Линъюнь-цзы лишь махнул рукой:

— Не беспокойся, у нас с твоим отцом кожа на лицах потолще твоей будет. Уж мы-то стыдиться точно не станем!

Поняв, что гроза миновала, Линь Лан примирительно пропел:

— Охотно верю! Боюсь только, вы меня до полусмерти затаскаете розгами. А ведь я юноша нежный, ранимый...

— Нежный?! — хмыкнул старец. — Да у тебя шкура как у буйвола! Давно тебя пороли как следует!

— Обещаю не давать вам для этого ни единого повода!

Линъюнь-цзы лишь сухо обронил:

— Сейчас я преподаю в императорском дворце. Будь начеку и не ввязывайся во всякую дрянь. Случись что — вытаскивать тебя из петли я не стану.

Линь Лан удивлённо посмотрел на него и, вернувшись на стул напротив учителя, спросил:

— Да когда это я пускался во все тяжкие?

Наставник молча окинул его взглядом.

«Ну и глупец же ты, парень...» — беззвучно вздохнул про себя старец.

Линь Лан даже почуял, как у него по спине пробежал холодок от этого немого укора, словно наставник смотрел на него как на дурачка.

В этот момент в комнату тихо вошёл управляющий Ли:

— Хозяин, молодой господин Линь, откусать подано.

Линъюнь-цзы первым поднялся с места:

— Идём, горе-ученик. Поешь — и проваливай обратно в своё поместье Цзя, нечего нарушать мой покой.

Линь Лан опешил:

— Да почему вы меня вечно гоните? Постойте, учитель, а как же домашнее задание?

Но Линъюнь-цзы ушёл, даже не обернувшись. Линь Лан уныло поплёлся следом, мысленно сокрушаясь о своей горькой доле.

«Какая тоска! — думал Линь Лан. — Сперва отец, блестящий третий лауреат императорских экзаменов, теперь вот учитель, первейший учёный мудрец в Поднебесной. Оба хитры как старые лисы, каждое слово приходится расшифровывать, словно древние письма. Ладно отец — он хоть смирился с моей простотой и выражается понятнее. Но учитель! Всё у него с загадками, намёками. Поди угадай, что у него на уме, а не угадаешь — так ещё и дураком выставит! Неужто забыл, сколько мне лет? Где мне тягаться с этими зубрами дворцовых интриг!»

Впрочем, плестись позади всё равно следовало, иначе можно было остаться и вовсе без ужина.

Пожинав, Линь Лан сел в повозку и отправился обратно в поместье Цзя. Всю дорогу он напряжённо размышлял о словах наставника, и постепенно в его голове начала складываться мозаика.

«Стоило мне заговорить о давешнем госте, как наставник переменился в лице и завёл речь о благонравии. Он учит меня уже пять лет, знает как облупленного. К чему эти предостережения? Сейчас он преподаёт принципам во дворце... И сегодня даже не задал уроков. Неужели... неужели он намекает, что мне грозит призыв ко двору? И если я хочу избежать этой участи, мне нужно очернить собственное имя, пуститься в кутёж и прослыть негодным повесой?»

Линь Лан нахмурился. Столица действительно оказалась змеиным гнездом, где одно неверное движение могло погубить всю семью. Ему предстояло крепко подумать, как быть дальше.

Вернувшись в поместье Цзя, Линь Лан рассудил, что время ещё детское, и вместо своих покоев направился напрямик к старшему дяде Цзя Шэ.

В окнах усадьбы дяди ярко горели светильники. Спросив у слуг, где хозяин, юноша прошёл во внутренние покои.

— Прощу простить великодушно, дядя, что заставил себя ждать, — вежливо поклонился Линь Лан, переступив порог кабинета.

Цзя Шэ и впрямь дожидался его в компании своего сына Цзя Ляня. Завидев племянника, старший господин отбросил всякую спесь и радушно замахал руками:

— Полно тебе, племянник! Мы ведь одна кровь, к чему эти церемонии? Проходи, садись скорее, отведай свежего чая.

Служанка, дежурившая у дверей, тут же внесла поднос с дымящимися пиалами.

Линь Лан поблагодарил дядю, обменялся приветственными кивками с Цзя Лянем и сделал глоток:

— У вас, дядя, чай всегда отменный. Вкус потрясающий.

Цзя Шэ широко улыбнулся:

— Коли пришёлся по душе — забирай весь, мне не жалко!

— Что вы, дядя, не смею грабить ваши запасы, — мягко отказался Линь Лан. — Уделите мне пару ланов на пробу, этого будет более чем достаточно.

Тут в разговор вмешался Цзя Лянь:

— Отец, раз уж вы так щедры к кузену, не обделите и меня! Дайте и мне испить этого чудного отвара.

Цзя Шэ шутливо цыкнул на сына:

— У твоей Ван Сифэн полные сундуки добра, а ты у отца побираешься! И не стыдно тебе?

Цзя Лянь при упоминании жены лишь усмехнулся:

— У неё-то всё есть, да только с вашим чаем не сравнится. Во всём поместье один лишь батюшка знает толк в хорошем Дахунпао, так что у вас припасён самый лучший лист.

Наблюдая за этой идиллией преданного сына и любящего отца, Линь Лан едва сдерживал усмешку.

«С чего бы это вдруг такая нежность? — подумал он. — Если они так близки, почему Цзя Лянь с женой живут на половине второго дяди, у второй ветви? Я здесь всего несколько дней, но Хэлэ уже успела доложить: второй брат Лянь почти не заглядывает к родному отцу, и вежливость между ними чисто показная. Раз уж разыгрывают передо мной этот спектакль, значит, дело нечисто».

Линь Лан лишь вежливо улыбался, не вмешиваясь и молча наблюдая за представлением.

Поняв, что дешёвой лестью племянника не взять, Цзя Шэ решил сменить тактику:

— На самом деле, дорогой племянник, я позвал тебя вот по какому делу. Давеча приобрёл я одну редкую вещицу, да всё сомневаюсь в её подлинности. Слышал я, ты весьма искушён в оценке древностей, вот и решил попросить твоего совета.

— Полно вам, дядя, — скромно возразил Линь Лан. — Куда мне, юнцу безбородому, тягаться с признанными знатоками? Вы сами — известный ценитель древностей, у вас и глаз намётан лучше.

— Да какое там, балуюсь на досуге, — благодушно отмахнулся Цзя Шэ. — А вот в этой вещице сомневаюсь, никак не разберу, подделка или нет. Взгляни, сделай милость, успокой моё стариковское сердце.

Делать нечего, пришлось согласиться. Цзя Шэ велел сыну принести безделушку.

Вскоре перед Линь Ланом предстал изящный сосуд — безупречно белый, покрытый тончайшей росписью в виде цветущих алых ветвей дикой сливы-мэйхуа. Контраст белого и красного выглядел на редкость благородно и приковывал взгляд.

Юноша бережно взял вазу в руки и принялся внимательно рассматривать.

«Работа тонкая, — определил он про себя. — Да только это искусная подделка под старину. Дядя Цзя Шэ, с его-то опытом, не мог этого не заметить... Пойдите-ка, что там внутри?..»

Заглянув в узкое горлышко, Линь Лан обнаружил плотно свёрнутые бумажные листы. Это были крупные банковские векселя.

Линь Лан осторожно поставил вазу на столик и невозмутимо произнёс:

— Боюсь расстроить вас, дядя, но это не подлинник. Хотя сработано на диво искусно.

Цзя Шэ ничуть не огорчился. Напротив, он громко расхохотался:

— Ха-ха, вот и я так подумал! Будь она настоящей, разве отдали бы её за бесценок? Но если вещица пришлась тебе по душе — забирай, дарю!

— Что вы, дядя, как можно! — покачал головой юноша. — Я человек простой, далёкий от искусства, у меня в покоях эта красота лишь пылью припадёт. Пускай лучше у вас остаётся.

— Да ладно тебе скромничать! — не унимался Цзя Шэ. — Разве я сам не такой же сухарь? Не хочешь себе — отнеси сестрице Линь. Девчонки ведь падки на такие изящные безделушки.

— О нет, характер у моей сестры весьма прихотливый, — вежливо парировал Линь Лан. — Разобьёт ещё невзначай, только испортит ваш щедрый дар. Не лучше ли преподнести её Цзя Инчунь?

— Зачем ей-то отдавать? — нахмурился Цзя Шэ. — Бери ты, говорю тебе, пускай послужит забавной игрушкой.

Линь Лан наотрез отказался брать вазу с «начинкой»:

— Всё же Цзя Инчунь она нужнее. Такой подарок укрепит её дочернюю почтительность и вашу семейную связь.

Видя, что племянник твёрд в своём решении и взятку брать не намерен, Цзя Шэ вздохнул и сдался:

— Что ж, будь по-войски. Отправлю вещицу ей.

Линь Лан с облегчением улыбнулся и почтительно кивнул.

<http://bllate.org/book/18219/1752595>